

дут на старика Гранде и скажут, например: «У старика Гранде теперь есть верных шесть миллионов...», — то Крюшо и де Грассен, если слышали слова эти, всегда прибавляли с какою-то таинственностью: «Дальновиднее же вы нас! Нам так никогда почти не удавалось свести верных счетов».

Заезжий парижанин скажет, бывало, слово, другое о Ротшильде или о Лафите. Сомюрцы тотчас спросят, «так же ли богаты они, как, например, Гранде?» И ежели им отвечали насмешливою улыбкою, то они покачивали головами в знак недоверчивости.

Дела и слова старика покрывались золотою крышкою, и если в частной жизни его и встречалось что-нибудь смешное, странное, то решительно никто не находил этого ни смешным, ни странным. Гранде был для всех образцом в Сомюре, авторитетом. Его слова, одежда, ухватки, косой взгляд, считались законами, решениями. Из каждого поступка, движения его выводили следствия, и всегда почти верные и безошибочные.

— Зима будет холодная; Гранде надел уже теплые перчатки. Не худо позаботиться о продаже (вина).

Или:

— Гранде закупает много досок. Славное вино будет в этом году!

Никогда Гранде не покупал ни хлеба, ни мяса. Каждую неделю фермеры приносили ему сколько было нужно овощей, кур, яиц, масла и зернового хлеба. У него была своя мельница, и мельник, не в счет договора, должен был в известное время являться к нему за зерном, смолоть и представить его мукою. Длинная Нанета, единственная служанка в целом доме, довольно пожилая, сама пекла по субботам хлеб на всё семейство. Плодов Гранде собирал так много, что продавал их на рынке. Дрова рубились в его заказниках, или употреблялись вместо них старые, полусгнившие изгороди, обходившие кругом поля его. Фермеры же рубили и дрова и, из учтивости, сами складывали их в сарай, за что он обыкновенно был им благодарен. Единственные издержки его были: туалет жены и дочери, плата за их два места в церкви и за просфоры, свечи, жалованье длинной Нанеты, лужение ее кастрюль, издержки судебные на купчие, квитанции и залог; наконец, на поправку его строений. У него было 300 арпанов лесу (недавно купленного); надзирали за ним сторожа соседей, за что обещал он им дать жалованье. Только после покупки лесу на столе у него стала появляться дичь.

Говорил он мало. Все приемы его были весьма просты и обыкновенны. Изъяснялся он коротко, дельно, голосом тихим. С самой революции, когда впервые он обратил на себя внимание,